

Фаузия Амирова*

Когда муж — «враг народа»

185

из дневника жены заключённого,
писателя Мирсая Амира,
мужественно перенёсшего
сталинские застенки 1937–1939 годов

4/XII-37.

Проходит жизнь, но не горюем,
Горевать — и в мысли не придёт!
Счастье,
радость
и победы
Новый год нам принесёт!

— такое стихотворение написал Мирсай. Бедный мой! Когда он читал мне эти стихи, наверное, думал: и этот Новый год встретим с таким же настроением, вместе с моей Фаузиёй.

А сегодня! Это радостное стихотворение никак не может найти себе места в моей душе, на память приходит лишь одна песня:

Недавно в саду моей души
Была звенящая, прекрасная весна,
Заливались весенние соловьи,
Радость, радость, не было печали.
Вдруг заморозки грянули нежданно,
Умолкли весенние соловьи,
Мою бесконечную радость
Волны горя погребли.

Вот так, сегодня у меня отняли Мирсая. Не знаю, на долго ли, но сейчас так тяжело, так мучительно... Для чего же теперь мне жить? Целый день плачу, ничто в памяти не держится...

Зря я вчера дразнила его. Он говорит: «Ты что-то меня любить перестала». Я ему: «Не побрился, поэтому не люблю». Он мне: «А Шмидта любишь?» Когда я ответила: «Да», он сказал: «Значит, меня и подавно любишь, у меня ведь нет бороды, я ведь всего лишь не побрился». Да, радость моя, конечно люблю, не знаю, кто из нас любит сильнее, но оба ведём себя так, словно открыли соревнование в любви.

Вчера вечером приходили Анатолий с Мингазом**. Анатолий говорит: «Фаячка, умоляю тебя, пожалуйста, возьми работу на курсах при Зооветинституте». И очень хвалит тамошние условия для учителей. Вот это настоящие друзья, пришли, предлагают работу. Сегодня сходила в этот институт (на ферму), вернулась уставшая, поэтому легла спать пораньше, уже в одиннадцать часов.

Ночью проснулись оттого, что открылась дверь нашей комнаты, и зажгётся свет. В комнату вошли милиционеры в

* Ф. Амирова — супруга Мирсая Амира.

** Анатолий Дороднов и Мингаз Назиев — однокурсники Фаузии.

сопровождении живущего в нашем дворе соседа по фамилии Угланов. Почему они ходят среди ночи?

В момент пробуждения я держала его под ручку... Время половина четвёртого. Он поднялся, как-то неловко, неудобно выдернув руку, словно вырвался. Наверное, вот в такой ситуации говорят «словно сердце моё вырвали». Мирсаяф оделся. Я лежу, закутавшись в одеяло. Он сильно побледнел, пьёт и пьёт воду, ни слова не говорит. Да разве сейчас успеешь о чём-то поговорить!.. Я словно обезумела, спрашиваю его: «Когда вернешься?»

4-5/XII-37. Сегодня во сне видела ночь, изредка-изредка светятся огоньки. Потом, будто бы сижу с товарищами в какой-то комнате в общежитии. Тем временем в дверях появляется Мирсай, он ищет меня, сам очень печальный, на нём тулуп, он начинает раздеваться, сейчас подойдет ко мне. Проснулась, ох! Когда же я увижу его наяву?

6/XII-37. Сегодня выходной. В прошлый выходной с Мирсаем смотрели в Татарском театре «Коварство и любовь», я сильно плакала. Мирсай не сразу заметил: «То-то думаю, притихла, она, оказывается, плачет, почему плачешь?» Я говорю: «А если и нас так же разлучат?» Ах, душа, неужели ты предчувствовала?

А сегодня я одинока. Целый день сидела дома, тоскливо, сижу, сижу и плачу, сижу, сижу и плачу. Сейчас для меня нет радости ни от окончания университета, ни оттого, что осталась в Казани.

14/XII-37. Сегодня восемь часов преподавала на курсах, там время прошло быстро. Когда вышла из трамвая, посмотрела на окно комнаты Мирсая. И почудилось, будто там горит свет. Я, кажется, схожу с ума, мне подумалось, что наверное Мирсай вернулся, бегу, задыхаюсь. О боже!.. Наяву ли, во сне ли я видела Мирсая? Войдя в дом, сразу бросилась в нашу комнату, там ни света, ни Мирсая нет. Я реву во весь голос. Поля (хозяйка) удивляется: «Что случилось, что с тобой?»

Эх, жизнь! Когда же ты была ко мне благосклонной? В молодости для меня счастьем была учёба – и то ведь она не досталась мне со словами «бери, пожалуйста». После смерти отца – детдом, потом интернат...

Что же это за невезение? Если бы к моему возвращению и Мирсай мой вернулся, как я была бы счастлива, тогда я была бы одной из самых счастливых людей в мире. Когда же мы с Мирсаем будем вместе? А сейчас и жить не хочется, только лишь надежда вновь увидеть Мирсая даёт мне силы.

Каждый день вижу Мирсая во сне. Удивительно, он появляется неожиданно, и мы вместе с ним гуляем. Надо побольше спать, пусть хоть во сне буду больше видеть его. Эти сны так приятны – нет ни горя, ни забот.

18/XII-37. Сегодня ходила в университет, слушала лекцию приехавшего из Москвы профессора Выгодского «Математика первой половины 17-го века».

Там встретила Х., он зовёт меня в свою школу преподавать физику. Я пока отказалась. А дальше, как получится. Сейчас мне надо много работать, потому что начну ли есть, лягу ли спать – плачу, лишь на работе хорошо себя чувствую. Вот и сейчас, сидела, спокойно читала, только принялась за еду – опять плачу и плачу. Нет, я толком и есть не могу. Куда делся аппетит, который был при Мирсае?

К Поле в гости пришла семейная пара. Сестра мужа. Смотрю на них и завидую. Они очень дружны, и не только дружны, но и очень любят друг друга, а у них, говорят, уже четверо детей. Достанется ли нам с Мирсаем такое счастье?

18 декабря получила из Москвы перевод «Агидели» на русский язык. Послала телеграмму, что временно приходится отказаться от этого замысла. Да... как бы он радовался, если бы перевод этой книги был завершён!

1/1-38 г. Да... Обычно я этот день праздновала вместе с другими, но сегодня... Чувствую себя наполовину больной, ноет сердце. Я, может быть, и

*Мирсай и Фаузия Амировы.
Из семейного архива Гюльшат Амировой*

не хвораю, но чувствую себя полумёртвой. Оно и понятно. Ни о чём не могу думать и мыслить, кроме как о Мирсае. А сегодня его нет со мной. Вчера и сегодня целый день провела у ворот тюрьмы, но даже передачу не приняли. И не говорят, в чём дело.

Достанется ли нам счастье опять быть вместе?

2/1-38. Около тюрьмы масса народу...

Мне сказали, что Мирсай может сегодня принять от меня записку. Если бы это осуществилось, было бы для меня большое счастье. Почему же мне так не везёт... Я ушла домой ни с чем – ни записку не передали, ни поговорить с охранником не удалось.

3/1-38. Пошла на работу. Завуч говорит, что он и студенты очень соскучились по мне. Я дала сегодня шесть уроков, на работе себя чувствую гораздо лучше, день прошёл быстро.

4/1-38. Странно, что я проснулась в пять часов утра. Я в своей жизни очень редко просыпалась так. Видимо, чувствую отсутствие Мирсае даже во сне, ведь как раз исполнился месяц, как мы с ним расстались. Эх, превратиться бы

в невидимку и попасть к нему, спит ли он сейчас или нет, о чём думает?

Был бы он рядом, сказала бы, что я самая счастливая женщина в мире: мечтала о вузе – окончила университет, где учились когда-то такие гениальные люди, как Ленин, Лобачевский и другие, где такие замечательные профессора, хотела жить в Казани – живу; когда-то, будучи студенткой педагогического техникума, мечтала стать преподавателем математики – преподаю математику при институте... Но отсутствие Мирсае затуманивает глаза и не даёт возможности радоваться вместе с другими.

Ведь в течение пяти лет каждая встреча с ним давала мне столько радости, что думала: только около него я могу быть радостной и счастливой. Наверное, и он думал так же – мы поженились.

10/1-38. Сегодня ходила к нему. Не имевшая привычку стоять в очередях, я уже привыкла к этому. Только одно желание: получить бы от него хоть записочку. Пришлось просить, умолять, и наконец у меня приняли для него бельё. Я заплакала от радости... Вещи, кото-

рые я передала, гораздо счастливее меня. Они скоро будут у него, обнимут его, соприкоснутся... Со страхом думаю: вот-вот принесут их обратно и скажут, что его нет. Сегодня мне первый раз (с 4/XII-37) посчастливилось: получила от него записочку, несколько тёплых слов обрадовали меня.

13/I-38. Я немного успокоилась, каждый вечер читаю записку, долго смотрю на его фотокарточку.

18/I-38. Вчера на работу ездила на лошади и озябла. Ночью проснулась вся в поту и с болью в спине и голове...

19/I-38. Была у врача, сказали, что сильное малокровие и неврастения. Но ничего, туберкулёза нет, значит ещё не всё кончено, с малокровием можно побороться. Немного успокоилась и сразу пошла в школу № 1. Я им давно обещала, что буду вести математику. Договорились. Оттуда Х., Григорьева и я втроём пошли обедать в столовую на улице Баумана, где мы бывали с Мирсаем в наши счастливые дни. Очень Х. внимателен, говорит, что «странно всё складывается в жизни, ведь я о вас знаю много хорошего, а вы ничего не знаете обо мне». «Ну, что же, всякое бывает в жизни, – думаю про себя, – хотя вы много знаете обо мне, но самого главного, кажется, не знаете».

Вечером Х. принёс мне свою книгу «О логарифмической линейке» (я его просила об этом), мне понравилось, что он скоро ушёл, это я считаю хорошим тоном. Звал меня на бал-маскарад, но я сказала, что у меня нет настроения ходить на маскарады... Он удивляется и, кажется, ничего не понимает.

22/I-38. Распустили студентов на каникулы. Но эти каникулы для меня нисколько не похожи на прошлогодние, я как никогда одинока... Жаловаться на знакомых, что они невнимательны ко мне, не могу, ведь они тоже имеют право на спокойную, счастливую жизнь. С женой арестованного общаться опасно.

28/I-38. Каждый день жду писем. Утром вышла в коридор, и каково было моё удивление – от него письмо, но оно

меня не обрадовало. Странно, что он просит мешок. Значит, не думает возвращаться, а я так жду его... Пошла к нему, но ничего не могла добиться, часов пять простояла у дверей тюрьмы и ушла. Там познакомилась с женщиной по имени Вера. Она говорит: «У тебя детей нет, мужа скоро забудешь». Меня нервирует, когда говорят, успокаивают меня тем, что я без детей, что я его скоро забуду. Что за женщины это? Видно у них и любви-то к мужьям не было.

31/I-38. Ходила к нему. Принимающий передачи молодой человек с полудетским лицом, но старающийся выглядеть солидно, услышав имя Мирсая Амира, спросил: «Писатель, написавший «Агидель», да?» и, смягчившись, сказал, что он здесь... А я и этому рада.

По дороге домой меня остановил аккуратно одетый молодой человек. Это – Ф. К., теперь уже врач. Мы познакомились с ним четыре года назад на пароходе, когда я ехала из дома отдыха «Берсут». Нас было несколько человек, мы себя чувствовали на пароходе, как дома, заняли салон, пели, играли на пианино. Ф. был один и постепенно познакомился с нами. Мне он показался очень красивым. По просьбе он спел. И довольно хорошо. Я решила, что он артист, но оказался он студентом-медиком. Я была, как всегда, в простом ситцевом платье. Эх, как мне хотелось тогда иметь хороший костюм! Но держала я себя гордо, независимо, ведь я всегда одеваюсь в недорогие ситцевые платья, и пока учусь, нет средств на лучшее. Мне понравилось, что он, важно одетый, красивый, держится так просто. Но он мне больше понравился как красивый цветок или что-то вроде этого.

После встречи с ним мне опять жалко стало моего М., его разве сравнишь с этими, ведь такие как Ф., живут только для себя, вот он, думала я, может, никогда не ошибётся, так и будет жить спокойно. А ведь Мирсаяф живёт идеями...

7/II-38. Как-то однажды Мирсай мне

писал (может быть, вовсе не давая себе отчёта, просто под влиянием прочитанного):

Утром я встаю, гадаю,
Придёт ли она,
Вечером грущу, вздыхаю,
Не пришла опять*.

А я была на седьмом небе от счастья. Значит, он тоже дожидается этих встреч!

А вот теперь всё наоборот. В той комнате, которая мне очень нравилась, когда здесь жил Мирсай, теперь живу я (чего никогда не предполагала), и с утра до ночи жду его. Может быть, со мной что-то не ладно, но иногда часами сижу дома, и вдруг мне становится как-то хорошо, радостно. «Ну, – думаю, – это, наверное, к тому, что сейчас он вернётся». Думая так, сегодня даже пол вымыла. Хозяйка говорит: «Что ты выдумала, ночью мыть полы?»

24/II-38. По радио передают очерк Ф. Хусни «Есть, товарищ командир!» Какой он счастливый, значит, он имеет право писать и печататься, а ведь недавно и его положение было не многим лучше, чем у Мирсая. Зачем же мы вынуждены так страдать, скоро ли придёт конец этим страданиям или никогда не будет перелома к лучшему? Ведь я с нетерпением жду его, а его всё нет.

Сегодня встретила Балашова (месте кончали КГУ), мы с ним долго разговаривали. Он, оказывается, знает о многих наших ребятах, работающих в вузах. Я не отстала от них, тоже работаю при институте, но слишком мало, всего два дня в шестидневку, остальные четыре дня должна сидеть дома. Только на работе я похожа на человека, а дома сидеть скучно, до того скучно, что даже жить не хочется. И умирать мне не хочется, я хочу счастья, хоть немного счастья, неужели не имею права на это! А пока Мирсай не вернётся и не начнёт писать, я не могу быть счастливой.

2/III-38. Пропустила занятия, пошла к нему. Жарко на улице, даже жарче,

чем в бане. А я не могу передать ему ботинки (он ведь ушёл в валенках), это меня возмущает. Эх, Мирсай, неужели ты не достоин даже этого?

3/III-38. Первый раз за три месяца пошла в кино. Посмотрели с Мишей Л. кинофильм «Балтийцы», немного развеялась. Миша успокаивает меня, говорит, что всё это временно, всё пройдёт. А я его занимаю разговорами о муже...

6/III-38. Часто хожу к Мирсаю, но никто не обращает внимания на мои просьбы. Не могу передать даже записку. А он, бедняжка, наверное, меня ругает за невнимательность.

17/III-38. Вот сегодня полгода, как мы с ним поженились. Да... хорошо было в те дни. Я смеялась. Мирсай говорит: «Обычно говорят, что девушки плачут, когда выходят замуж, а тебе смешно?» Но он и сам смеялся, нам вместе было очень хорошо. Как же не радоваться, ведь нас никто-никто, кроме смерти, теперь не разлучит. Даже со смертью мы не хотели считаться: условились, что будем жить долго-долго, до шестидесяти, семидесяти лет. Мирсай говорит, что он теперь будет работать ещё лучше и ещё больше. Мне очень нравится его писательская деятельность, я ему буду помогать в этой работе, чем могу. Правда я математик (вот на днях – 1/X – начинаются госэкзамены), но я люблю и литературу, около него я буду развиваться в области литературы, истории – так думала я.

«Человек предполагает, а жизнь располагает». Эта пословица очень применима к нам. Ведь мы предполагали, что наша жизнь будет прекрасна, я окончила университет, стала полноправным преподавателем-математиком (чего и хотела), его уважают читатели (для писателя это очень важно), и главное – мы вместе. Живи и радуйся! Но оказалось, что наша жизнь не в наших руках! Два месяца радостной жизни, но зато вот уже четыре месяца горя и слёз. Неизвестно, когда будет всему этому конец. Неужели признают его виновным? Неужели наша жизнь разбита навсегда?

23/III-38. Сегодня настоящая вес-

* Из Гейне.

на, тает, капает (точнее, льётся вода) с крыш. Но каждая капля воды меня расстраивает, ведь он там без галаш, может простудиться. Милый Мирсай! Ты, наверное, бранишь меня, но я бесильна.

Вышла из печати книга Г. Разина* «Сиваш». Я не читала эту книгу, но Мирсай говорил, что это хорошая книга. Бедняга, думал ли он, когда редактировал её, когда старался, чтобы эта книга вышла хорошей, что ему не удастся увидеть её выхода в свет.

Говорят по радио: Тарасу Шевченко в 1847 году запретили писать и рисовать.

15/IV-38. Весна в разгаре. Яркие, солнечные дни. Пробуждение весны, всегда так радовавшее меня, в этот раз оказалось бессильным. Не чувствую никакой радости, наоборот, больше чувствуется одиночество и бедность.

21/IV-38. Сегодня была в трёх организациях и предложила свои услуги, т. е. искала работу. Но все отвечают коротко «нет». В гороно даже сказали, что работа есть, но она не для «жены врага народа». Домой шла расстроенная, лишь бы не расплакаться на улице! Неужели для этого я училась? Хочешь работать и нельзя.

24/IV-38. 10 часов утра. Пошла в университет, там сегодня математическая олимпиада, будут участвовать и мои ученики с курсов Зооветеринарного института. У входа в актовый зал мне встретился Николай Григорьевич Чеботарёв. Нравится мне этот профессор – всегда весёлый, жизнерадостный и простой. Встретил как всегда приветливо. Я ему сказала, что и мои ученики примут участие в олимпиаде. Петр Алексеевич Широков важно сидел за столом, он в очках и плохо видит. Николай Николаевич Парфентьев и Евгений Иванович Григорьев – уже пожилые, несмотря на

это, бодро ходят между столами и проверяют, как пишут ученики. Я думала, что эти немолодые люди меня позабыли, оказывается, нет, подошли и поговорили со мной. Евгений Иванович даже рассмешил меня. Я нашла здесь двух своих учеников: Гайнутдинова и Артамонова, они мне нравятся, оба учатся хорошо. Как они напишут сегодня?

29/IV-38. Как тяжело жить без тебя: так близко и так далеко. Эх, зачем приходится разлучаться, когда так любишь друг друга? Как я уверена, что он меня любит так же!

4/IV-38. Ходила к нему. Когда же, когда же увижу тебя? Тут же была одна девушка, она слышала, что я жена Мирсая, и говорит: «Неужели ваш муж автор тех книг (она их перечисляет)? Мы их перечитывали несколько раз, как хорошо он пишет, я мечтала когда-нибудь встретиться с ним и расцеловать его за такие книги». Мне приятно это слышать, говорю ей: «Думаю, что когда-нибудь он вернётся, и я передам ему ваши слова».

Да, милый, тебя любит не только твоя несчастная жена, но и все твои читатели, каждое письмо, присланное на твоё имя, доказывает это. Они требуют, чтобы ты написал ещё много хороших книг. Эта девушка говорит, что они его книги держат под партой (т. е. читают тайно).

7/IV-38. По радио передают монтаж очерка «Они виноваты», автор некто Х. В. Кто он такой? Начинаящий писатель? И почему его отрицательный тип по имени Мирсаяф? Конечно, он неспроста выбрал это имя...

11/IV-38. 11 часов вечера.

Где ты, милый
Чернобровый,
О, приди скорее,
Как я бедная горюю,
Погляди жалея...*

Спокойной ночи, милый. Сейчас я ложусь спать. Где ты находишься в данную минуту? Думается ли тебе, что мы снова встретимся и заживём радостно, как прежде?

* Псевдоним Гумера Баширова.

* Из украинской народной песни «Веют ветры, веют буйные».

16/V-38.

Куда, куда вы удалились,
весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?

У меня два несчастья: во-первых, его жалко, во-вторых, сама живу с такими плохими людьми... Хозяйка почти каждый день пьяная, сегодня они с квартиранткой, буфетчицей, весь вечер пили... 12 часов ночи, а я не могу спать, они же, напившись, уснули. Кто-то долго звонит в дверь. Кто знает, может, это он вернулся, может, от него какая-то весть? Оказалось, какой-то пьянчужка, все проснулись, снова начали пить. Шум, смех. Несчастные, возможно, они так много пьют водки, чтобы заглушить своё горе? Вот тебе и культурная, счастливая жизнь!

Спокойной ночи, далёкий от меня, но близкий сердцем, милый друг.

30/V-38. С Павлом Ивановичем (муж хозяйки) купили сапоги для Мирсая. Милый, я скучаю без тебя, вернись скорее, и мы опять заживём радостно. Я хочу, чтобы ты вернулся, именно ты, я не только не могу, но и не хочу забыть тебя.

31/V-38. Хорошее летнее утро. За нами прислали лошадей. На ферму поехали втроём, с преподавателями института Е. В. и А. К. Они говорят о летнем отдыхе. Анапа! Сегодня это название жужжит в ушах. Евгений Васильевич приглашает составить им с женой кампанию, на лето поехать с ними в Анапу. Ведь я Чёрное море видела только на географических картах, когда же я увижу настоящее море! Он заманчиво рассказывает про жизнь в Анапе. А. К. хочет поехать в Ленинград, потом тоже в Анапу.

14/VI-38. Была в клубе ДОРНИТа*, на митинге по выборам в Верховный Совет. Наш кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР профессор Агафонов сказал: «Постараюсь максимально приблизиться к идеалу человека ленинско-сталинского типа...»

* Дом работников науки и техники, позже – Дом учёных.

А я моего Мирсая знала таким, то есть думала, что он один из таких, а теперь ничего не понимаю.

15/VI-38. Была у его ворот. На мои расспросы ответили: «Куда он денется, здесь!» Да... Я тоже думаю, что никуда не денется, а вернётся ко мне.

Не знаю, то ли начинаю с ума сходить, то ли это от молодости, но сегодня у меня немножко приподнятое настроение, наверное, нахожусь под влиянием услышанного утром слова «здесь».

Сегодня два раза был сильный дождь, и оба раза я оказалась на улице. Я вообще люблю природу, но в этом году стала особенно внимательна к ней. Кажется, и за тебя люблюсь красотой природы.

19/VI-38.

Распахни ворота сада,
Пусть солнце грядку осветит,
Если кто и приглянулся глазу,
Без тебя душа ни к кому не лежит*.

26/VI-38. В 7 часов утра ходила на выборы. Потом с Алей** поехали в Зеленодольск в гости к Лёве Селиванову. Селиванов преподаёт в Зеленодольске в школе, живёт с мамой. Ходили по лесу, собирали землянику, мне стало немножко веселее, в 8 ч. вечера вернулись домой. Я всё время думала: «Может же случиться такое счастье, что сегодня ты встретишь меня дома». Но напрасны мои ожидания, всё одно и то же, пустая комната, пьяная хозяйка... Спокойной ночи, милый!

9/VIII-38. Съездила к маме в Башкортостан. Сегодня вернулась в Казань. Но как не похоже это возвращение на прошлогоднее, тоскливо и грустно. Как пережить эти тяжёлые дни без него, как забыться, как побороть себя? Мучительно, что ничего не могу узнать о Мирсаяфе.

19/VIII-38. Сегодня мне исполнилось 27 лет. Да, почти половина жизни прожита. Правда, многие из этих лет я прожила в восторженном настроении, всё время надеясь на прекрасное будущее.

* Из татарской народной песни «Зулейха».

** Алевтина Заборская, Лев Селиванов – однокурсники Фаузии Амировой.

Зато сегодня! Мучает неизвестность его положения и то, что имея высшее образование, не могу устроиться как следует. Раз уже нет личного счастья, забыться бы в работе, работать с утра до ночи, но и этой возможности нет.

1/IX-38. В 6 часов утра ходила к нему. Тоскливо. Неужели мы достойны такой жизни? До 10 часов стояла в очереди, но ушла, не получив никакого ответа. В полпервого отправилась в школу (после долгих поисков устроилась на новую работу, в русскую школу № 86). Начала с алгебры...

6 «А», куда меня назначили классным руководителем, мне не понравился, посмотрим, что будет дальше.

1/X-38. Сегодня к нему ходили с братом Мидхатом. В такие дни я задумываюсь больше, чем когда-либо. Грустно, так и сидела бы и мечтала о нём, но нельзя, надо идти.

5/X-38. Выпал первый снег. Как рано! А в прошлом году в это время стояли тёплые, солнечные дни. У меня на сердце зима, и на улице так рано зима пришла.

25/X-38. Сегодня услышала о нём новость... и всю ночь проплакала. Бедный мой, думал ли ты, что твоё писательство доведёт тебя до такого?

29/X-38. Читаю дневник Расковой. Эту газету обязательно надо сберечь для Мирсая. Как жду я его! Уже сколько новостей, сколько газет припасла я для него!

1/XII-38. Получила от него записку. Но это уже не успокаивает меня. Слишком нервной стала, даже мыши пугают меня.

4/XII-38. Да, милый, вот уже год прошёл, а тебя всё нет.

25/I-39. Ночью (очень поздно) раздался звонок в дверь. Я хочу открыть дверь, а соседка Поля говорит: «Не открывай, наверное, оттуда пришли». (То и дело слышно об арестах жён, чьи мужья сидят в тюрьмах.) Пришедший человек говорит: «Я пришёл по делу, моя фамилия, как у твоего братишки». Значит, получается Мухарьямов. Открыв дверь, привела его в комнату. Оказыва-

ется, он сидел в тюрьме с Мирсаяфом, сейчас, освободившись, возвращается домой. Он вынес для меня письмо, спрятанное в подкладке пиджака. Это молодой парень из Кукморского района, работал в колхозе. Говорит, что надо нанять хорошего адвоката, что Мирсаяфа тоже выпустят. Я обрадовалась, не знаю, чем только его угостить. У меня был шоколад и другие гостинцы, закупленные для передачи Мирсаяфу. Он очень торопливо ушёл, даже не попил чаю.

Вот это письмо Мирсаяфа (написано арабскими буквами на куске холстины от портянки):

«Ул. Бутлерова, 8–4.

Фаузия, сердце моё!

Горячий привет. Сижу по ложным, ничем не обоснованным обвинениям. Некоторые утверждают, будто я состоял в контрреволюционной националистической организации. Доказать свою невиновность человеку, сидящему в тюрьме, оказывается, не просто. Моя самая большая просьба к тебе: расспроси через знакомых и постарайся нанять хорошего защитника через адвокатскую коллегию. Желательно, чтобы это был кто-либо из авторитетных русских. На задней полке книжного шкафа есть мои книги. В них вложены и рецензии, вырезанные из разных газет. Найди и приготовь их. В одном из номеров журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература») за 36–37-е годы есть большая статья З. Искужина об «Агидели». Найди и её. С защитником надо только встретиться и поговорить. Что надо делать, он знает и сам. Я жив-здоров. Денег не приноси. Будет хорошо, если сможешь принести что-нибудь такое, как масло, сыр, чеснок. За меня слишком не беспокойся. До свиданья, моя единственная, мой самый дорогой друг!

Целую. Твой Мирсай. 25/I-39 г.

В знак того, что получила это письмо, принесёшь носовой платок с вышитой в уголке голубыми нитками меткой «М. М. А.».

Об этой записке знай только сама. М.»

8/II-39. Меня вызвали на «Чёрное озеро» (в НКВД). Страшно. Провели по каким-то длинным коридорам, затем по лестнице вниз. Меня принял следователь Усманов. Расспрашивает о Мирсае, с кем общались, о чём разговаривали. Мы ведь успели прожить вместе только два месяца, и на свадьбу позвали только моих друзей – студентов. Я Усманову говорю: «Если бы он был врагом народа, если бы делал что-то плохое, он бы на мне не женился, так как он очень любил меня». Возможно, Усманов принял меня за очень наивную или очень хитрую. Со мной он, вообще-то, грубо не разговаривал, уже и это хорошо. После возвращения Мирсаяф рассказывал, что Усманов был очень злым, грубым. Следователь Смирнов, работавший до него, не был таким. Он говорил: «Почему вы погубили жизнь этой девушки, женившись на ней?» Усманову Мирсаяф говорил: «Я не виновен, из тюрьмы, конечно, выйду; после этого, если как-нибудь придётся встретиться, как же вы посмотрите мне в глаза?» А Усманов ему: «О, в таком случае я перейду на другую сторону улицы, иначе ты меня прирёшь». Следователь, принуждая Мирсаяфа к ложным показаниям, говорил, что верит в его невиновность, но эти признания

якобы нужны для партии, на что Мирсай отвечал, что ему не нужна такая партия, для которой требуется ложь, что партии нужна только правда. В ходе следствия он настойчиво отвергал ложные обвинения. Позднее, председатель комиссии Верховного Совета ТАССР по пересмотру дел о незаконных репрессиях 1937 года С. Г. Батыев отметил, что Мирсай Амир вёл себя особенно стойко и достойно.

19/III-39. Суд длился три дня. Мирсая освободили. Во время суда у Мирсая случился сердечный приступ. Нас в зал не пустили. Мы ждали в коридоре. Со мной рядом были жена Галимджана Нигмати – Жихан-ханум и мой братишка Мидхат. После суда пошли к нам. Жихан-ханум печальна. (Суд над Нигмати был позже, в 1940 году.) Мирсаяф выглядел измученным, похудевшим, как после длительной болезни.

19 марта 1939 года, шесть часов вечера. Этот день – самый счастливый день в нашей жизни, он вернулся.

Март 1939 года. Прихожу вечером с работы, а у нас гости – Хатип Усманов, Баян Гиззат и Шайхи Маннур. Пришли проведать. Было приятно. Молодцы, не побоялись, ходят ведь слухи, что некоторых сажают снова.

*Подготовка текста и перевод
фрагментов с татарского
Гюльшат Амировой*

